

*Валентину, Тесс,
Эмме и Габриэль*

Быть старым — значит оставаться
молодым дольше других.

Филипп Гелюк¹

¹ Филипп Гелюк (род. в 1954) — бельгийский комик, юморист, телевизионный сценарист и карикатурист. (*Здесь и далее прим. перев.*)

ГЛАВА 1

Я купила у папаши Проста тетрадь в синей обложке. Не стану набирать роман об Элен на компьютере — хочу носить ее историю в кармане халата.

Я вернулась домой. Написала название «Дама с пляжа» и начала так:

Элен Эль — дважды рожденная. Первый раз она появилась на свет 20 апреля 1917 года в Клермене, что в Бургундии, а второй — в конце мая 1933-го, когда встретила Люсьена Перрена.

Я засунула тетрадь под матрас, как часто делают героини черно-белых картин, которые показывают по телевизору воскресными вечерами в программе «Полуночное кино». Дедуля их обожает.

А потом вернулась на работу, потому что в этот день была моя смена.

ГЛАВА 2

Мое имя Жюстин Неж¹. Мне двадцать один год. Я уже три года работаю сиделкой в доме престарелых «Гортензии». Привычнее для подобных заведений названия вроде «Липы» или «Каштаны», но мое построили, выкорчевав заросли гортензий, вот никто и не стал заморачиваться, хотя здание стоит на опушке леса.

В этой жизни моему сердцу милы две вещи — музыка и третий возраст². Каждую третью субботу я хожу на танцы в клуб «Парадиз» в тридцати километрах от «Гортензий». Это бетонный куб посреди луга, окруженный стихийной стоянкой. Иногда я, будучи под хмельком, часов в пять утра, целуюсь там взасос с представителями противоположного пола.

А еще я, конечно же, люблю моего брата Жюля (вообще-то мы кузены) и бабушку с дедуш-

¹ В переводе с французского «Неж» означает «снег» (neige).

² Под третьим возрастом понимается период с выхода на пенсию и до потери дееспособности, во время которого происходит полное самоосуществление личности.

кой, родителей моего покойного отца. Я выросла с людьми третьего возраста и в детстве не общалась ни с кем, кроме Жюля, перескочив словно через ступеньку этап общения с ровесниками.

Моя жизнь делится на три части: днем я ухаживаю за постояльцами, ночью читаю вслух старикам, а вечером по субботам танцую, чтобы заново приручить беззаботность, утраченную в 1996-м из-за представителей второго возраста — это родители, мои и Жюля. Им в голову пришла идиотская идея насмерть разбиться на машине воскресным утром. Я прочла заметку, которую бабуля вырезала из газеты и прячет среди своих вещей. Была там и фотография изуродованной машины.

Из-за наших родителей мы с Жюлем каждое воскресенье проводили на городском кладбище, клали свежие цветы на широкую могильную плиту с двумя ангелочками и фотографиями новобрачных: отца рядом с брюнеткой и дяди с блондинкой. Наши с Жюлем отцы похожи как две капли воды — у них одинаковые костюмы, галстуки и даже улыбки. Отец и дядя были близнецами, и мне непонятно, как они могли влюбиться в совершенно не похожих друг на друга девушек, а те втюрились в фактически одного и того же парня. Эти вопросы я неизменно задаю себе, входя в ворота кладбища. На них некому ответить. Думаю, я утратила беспечность именно потому, что не знаю ответов о Кристиане, Сандрин, Алене и Аннет Нежах.

На кладбище давно умершие мертвецы похоронены в земле, в то время как новые заперты в небольшие ниши и стоят в отдалении, будто опоздавшие. Моя семья лежит в пятистах метрах от дома бабушки с дедушкой.

Наша деревня называется Милли, в ней около четырехсот жителей. Решите отыскать ее на карте — вооружитесь лупой... Торговая улица носит имя Жана Жореса. В центре — площадь с церковью в романском стиле. У нас есть бакалея папаши Проста, тотализатор и гараж, был и салон красоты, но в прошлом году закрылся. Парикмахеру надоело красить волосы и делать укладки. Магазин одежды и цветочный уступили место банкам и лаборатории, где берут анализы. Некоторые витрины заклеили газетами, в других живут люди, отгородившиеся от мира белыми шторками. Занавески вместо штанов...

Табличек «Продается» в Милли ровно столько же, сколько домов, но никто ничего не покупает, ведь до ближайшего шоссе семьдесят километров, а до ближайшего вокзала — пятьдесят.

Еще в Милли есть начальная школа, где учились мы с Жюлем.

До коллежа, лицея, кабинета доктора, аптеки, обувного магазина нужно ехать автобусом.

После бегства парикмахера я сама делаю бабле укладку. Она мочит волосы, садится в кухне на табурет и подает мне бигудюшки, а я накру-

чиваю седые пряди на трубочки и прижимаю пластиковым зажимом, после чего надеваю на голову сеточку. Под колпаком сушки бабуля через пять минут задремывает. Потом я снимаю бигуди, и прическа держится целую неделю.

Не помню, чтобы после гибели родителей я когда-нибудь замерзала. В наших краях температура не опускается ниже 40°. А что было до аварии, я не помню. Но об этом потом.

В детстве мы с братом ходили в немодной, но удобной одежде, которую бабуля стирала с кондиционером. Нас не пороли, не отвешивали затрещин, а в подвале разрешили поставить микшерный пульт и слушать виниловые пластинки, чтобы отвлечься от шарканья войлочных подметок по натертому паркету.

Я мечтала поздно ложиться спать, не чистить ногти, гулять по пустырям, разбивая колени и локти, мчаться с холма на велосипеде с закрытыми глазами, болеть и писаться в кровать, но... бабушка ничего подобного не допускала. Она всегда была тут как тут с пузырьком йода наготове.

Все детские годы она чистила нам уши ватными палочками, дважды в день купала, растирая жесткой рукавичкой, и запрещала все, что, по ее мнению, представляло хоть малейшую опасность, например переходить дорогу без взрослых. А еще со дня смерти сыночек ждала, когда я или Жюль станем похожи

на наших отцов. Не дождалась. Жюль – копия Аннет, а в моем лице нет сходства ни с одним членом семьи.

Бабуля и дедуля по возрасту моложе большинства обитателей «Гортензий». Я не знаю, с какого момента человек становится старым. Моя начальница мадам Ле Камю считает, что это происходит, когда ты больше не можешь сам наводить порядок в доме. Когда машина остается в гараже, потому что, сев за руль, ты либо калечишь окружающих, либо ломаешь шейку бедра. Я не согласна. Старость начинается с одиночества. Когда уходит твой спутник. На небеса или к другому человеку.

Моя коллега Жо полагает, что любой, кто начинает заговариваться и нести всякий вздор, попадает в категорию «Старики». Впрочем, эта ужасная болезнь поражает и молодые мозги. Другая моя коллега, Мария, как-то заявила, что старость наступает, когда ты начинаешь хуже слышать и десять раз на дню ищешь ключи от дома.

Мне двадцать один, и с ключами у меня напряженные отношения.

ГЛАВА 3

1924

Элен до поздней ночи работает при свечах в швейной мастерской родителей.

Она растет среди костюмов и платьев. У нее нет ни сестры, ни брата.

Она любит показывать театр теней на стене, всегда одни и те же фигуры. Соединяет ладони, стигает указательный палец, и получается птица, которая ест у нее с ладони. Птица похожа на чайку. Если она решает улететь, девочка сводит вместе большие пальцы, растопыривает остальные и машет «крыльями», но, прежде чем отпустить ее, шепчет просьбу — всегда одну и ту же, — чтобы чайка унесла ее слова на небо и передала эти слова Богу.